

Линар
Ильясов

*Тихое озеро,
волшебная
птица...*

16+

Линар Ильясов

Тихое озеро, волшебная птица...

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Ильясов Л. Р.

Тихое озеро, волшебная птица... / Л. Р. Ильясов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Повесть о событиях 11-го века нашей эры. По всей Большой Степи прокатилась волна нашествия очередного народа, отправившегося на поиски новой родины....Но северную окраину Степи, предгорья Урала, выбрала местом своего пребывания Хумай, дочь Небесного царя. Место ее обитания исполнено благоденствия и великолепия, которые не должны быть потревожены вторжением яростного огня войны. Удастся ли Хранителям Степи, древним блюстителям Великого Небесного закона, оградить владения Хумай от уничтожающего вторжения чужаков?(В оформлении обложки использована работа башкирского художника Азата Кужина)

Содержание

1. Сны.	7
2. У реки Мелеуз.	11
3. Кунгак-гау.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В прежние, безвозвратно минувшие времена, была когда-то страна, под синевую неба расцветшая. Красою всей Великой Степи являлась она множество веков, в сердцах людей великолепием сверкая. Имя той страны было Канг, исполненный благополучия. Искусными ремёслами славилась она, а поля её, обласканной покровительством Хумай сияющей, были зелены, и давали урожаи щедрые. Бессчётны были тучные стада скота, и табуны коней золотогривых, в вольных лугах резвящихся. Чисты и свежи были её ласковые реки, радующие путешественников прохладой своей живительной. Жители же Канга счастливы были в благоденствии, и звались гордо башняками...

Но излишнее благополучие лишает воли свершений. Стремление к покою и изнеженности способно размягчить сердца и достойнейших из людей. Тэнгри, создатель небесный, не пожелал этого детям своим башнякам, и лишил он страну их благоденствия и изобилия. И пожелтели поля Канга, сжигаемые солнца беспощадным жаром, и бесплодны и сухи стали; поредели изрядно стада, предвещая жестокое бедствие голода; а у рубежей дальних, со стороны восхода, появились орды вражеские, прознавшие об ослаблении державы этой великой, утратившей величие не вследствие слабости правителей или утраты отваги жителями, а вследствие воли Тэнгри всезнающего. И не стало чудесной страны Канг: – следы подков блистающих заметены песками горячими...

Но велик Тэнгри в мудрости своей безграничной. То, что казалось карой небесной последним жителям Канга, вынужденным покинуть благословенную свою родину, послужило причиной появления нового поколения башняков. Они, всадники, рождённые в пути, были свободны от бремени изобилия. Сила духа возгорелась в их сердцах, и лишь она была им ценна. Оставив позади потерянный Канг, двигались они на запад и на север, совершая Великий переход к новой своей родине, выйти к которой им предстоит обновлёнными...

А вокруг были земли гузов, не желавших принимать чужеземцев. Постоянным схваткам ожесточённым не видно было конца... но выстояли башняки обновлённые, безупречные в отваге и храбрости; не сгнули в чужих им степях... И прошли, с боями изматывающими, земли гузов враждебных, и вышли на равнины, за которыми была уже Идель многоводная, великая река хазарская. Яростные гузы не преследовали уже более башняков, и стали они заселять открывшуюся им страну. Но не угас в груди их огонь, неистовый пыл перемен: и не могли они остановиться, и, расходясь по новым землям, разделились, постепенно, на два потока, ставшие двумя ветвями народа башняков. Одна из ветвей – олобашняки (большие башняки), – дошла до Идели и, переправившись через неё, устремилась ещё далее на запад, в страну Атель-Куз. Другая ветвь – балабашняки (башняки малые), – выбрала направлением своим север, и заселила страну лесов и степей, раскинувшуюся от предгорий Урала на востоке, до великой Идели на западе...

И обрели силу эти два новых народа, нашедшие каждый уже новую родину...

Об олобашнях сохранилось множество сведений в русских летописях, называвших их печенегами неукротимыми. И император византийский, Константин Багрянородный, в труде своём «Об управлении государств», оставил подробнейшие сведения о печенегах, сообщив также, среди прочего, что племена их возглавлялись «великими князьями» или ханами, а во главе родов стояли тарханы.

О заволжских же печенегах – балабашнях – писал иранский историк Абу Абд-аль-Хайи Гардизи: «печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия, они носят серебряные пояса». Джайхани, арабский географ, писал о них: «Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки». Благоклонной стала для балабашняков новая эта страна, куда пришли они следом Волка синешёрстного ведомые – ниспосланного знака Тэнгри – слышавшие зов его в чистоте духа...

А далеко-далеко на востоке, в самом сердце Большой Степи, уже являлись знамения, предвещающие в скором времени потрясения великие...

И там, в дали неведомой, отдельные племена начали уже приходить в движение, вызывая тем самым малые ещё, но неудержимо нарастающие теперь перемены.

Красная заря огненная занималась над Степью...

Извечный и неумолимый закон перемен, возвышающий одни народы из ниоткуда, и сметающий и предающий полному забвению другие, бывшие когда-то могучими и непобедимыми, вновь пробудил, далеко на востоке, древних богов войны, и они овладели сердцами грозных правителей Алтая, Тобола и Иртыша. Огонь войны разгорелся и яростным пожаром стёр с лица земли великий Кимакский каганат. Как уже не раз случалось с самого начала времен, Великая Степь вновь была охвачена сжигающим пожаром войны.

Вековое стремление степных народов к движению с сокрушающей мощью потрясло восточные степи.

Эта страсть степняков к переменам и поиску новых земель, родилась ещё в ту далёкую пору, когда первый из них сел на коня. Как только это произошло, он сразу стал хозяином необозримых, бескрайних просторов, и он не мог более оставаться на одном месте – у копыт его коня начинался путь, способный показать ему весь мир.

И в этот раз, неистовое стремление двигаться вслед солнцу, подняло кипчакские племена – как и многие другие до них – в сметающий всё поход на запад. Великая Степь заполыхала, и на многие десятилетия в ней воцарился мрак уничтожения. Дым пожарищ затмевал небо, и стало много добычи чёрным стаям крикливых ворон.

Гузские племена, бывшие хозяевами необъятных степей к востоку от Идели, были разгромлены и рассеяны, и перестали быть единым народом. Остатки разбитого гузского войска разбрелись по ставшей чужой им Степи, и повезло тем из них, чьи племена чудом уцелели. А судьба других, у которых никого не осталось, была не завидной – потомки бесстрашных воинов, разбивших когда-то, в союзе с Русью, могучий Хазарский каганат, стали влачить жалкое существование степных разбойников, промышляющих набегами и угонами скота. Некоторые, потерявшие своих вождей, становились воинами новых предводителей – кипчакских ханов, – сражаясь вместе с ними против извечных врагов – башняков и булгар.

К западу от великой Идели олобашняки, бывшие ужасом и неотвратимым кошмаром королевств Восточной Европы, тоже были сметены кипчаками, и остатки их были вынуждены искать защиты у киевского кагана, когда-то платившего им дань.

Но балабашняков, владеющих самой северной окраиной степи, между седым Уралом и величественной Иделью, сметающая волна кипчакского нашествия миновала...

1. СНЫ.

Алтузак медленно крадётся сквозь густые заросли зелёного камыша с коричневыми пушистыми верхушками. Он движется тихо, стараясь не производить шума: очень осторожно раздвигает хрусткие стебли, замирая, прислушиваясь сосредоточенно после каждого своего шага. Откуда-то спереди доносятся протяжные, переливающиеся звуки дивной, завораживающей мелодии, словно чья-то окрылённая душа в состоянии светлейшего блаженства играет на волшебной флейте. Что за чудо там впереди? Кто способен так дивно, невыразимо прекрасно петь, наполняя сердце слушателя небесной радостью и умиротворением? Неужели кто-то из обитателей заоблачного мира спустился на землю? Ведь ни один человек не в состоянии создать такую красивую, волшебную песню без слов, проникающую в самое сердце. Алтузак ещё не видит, что там, впереди, но он твёрдо знает, что эту мелодию ни в коем случае нельзя останавливать. Нельзя спугнуть того, кто там так прекрасно поёт. Он чувствует, что малейшая опасность или тревога, вроде шума от его приближения, может подействовать на это чудо как ветер на утренний туман: – и оно растает!

Его нельзя спугнуть, но Алтузак не может удержаться – предельно осторожно, выверяя каждое своё движение, он продолжает медленно продвигаться сквозь камыши вперёд, к открытому пространству. Осталось три шага... два... и вот последний. Медленно раздвинув последние загораживающие обзор зелёные стебли, он осторожно приближает лицо к образовавшемуся просвету и, зачарованный, замирает.

Алтузаку открылось небольшое озеро, окаймлённое зарослями камыша с просветами, в которые была видна окружающая бескрайняя степь. Зеркальная гладь отражала бездонное синее небо, а из середины водоема расходились кольцами расширяющиеся круги. И там, откуда они расходились, в самой середине озера, плавала прекрасная, ослепительно красивая птица, распространяющая волшебное, золотистое сияние вокруг себя. Её гордые, величественные формы и царственная осанка придавали ей сходство со священным Лебедем, но только она была прекраснее во много раз. Волшебное сияние птицы как нисхождение небес: оно покрывает всё вокруг и всё, что оно омывает своей благодатью, расцветает особой, полной силы, красотой. И из её клюва изливается то самое, чудесное и беспредельно красивое пение, приведшее замороженного Алтузак сюда. И не может на свете ничего быть прекраснее, совершеннее этого уголка спокойствия и истинной, изначальной гармонии.

Вдруг волшебная птица насторожилась: пение прекратилось, и сияние её стало меркнуть. Алтузак испугался – неужели это он её встревожил? Но нет, она смотрит в другую сторону – туда, где солнце висит над знойным югом. Что там? Что её беспокоит? Что происходит в той стороне? Отчего она заволновалась и вот-вот взлетит, чтобы покинуть эту землю навсегда? Сияния уже почти нет. Если она улетит, будет большая беда. Алтузак это знает, но он не знает, как отвести угрозу от волшебной птицы и от этой прекрасной земли, приютившей её. Но что же там? Надо узнать и остановить это. Алтузак разворачивается, начинает осторожно выбираться из камышей, стараясь не шуметь, чтобы окончательно не спугнуть и так встревоженную птицу, двигается, всё больше охватываясь волнением и смутными предчувствиями... и вдруг просыпается.

Опять этот сон, тревожащий свой настойчивостью. Уже несколько дней слышит Алтузак в снах своих это пение волшебное, исходящее из озера, окруженного камышами, приближается к нему, начинает пробираться через заросли, но саму птицу он сегодня увидел впервые. Это не может быть просто сон – он о чём-то говорит ему, Алтузаку. Но о чём? Ему остаётся лишь ждать... и быть готовым.

Алтузак встал и вышел из своего шатра. Жена его встала раньше, и уже ушла куда-то, наверное, к своим любимым кобылицам. Становище просыпалось, и люди приступали к обычным хозяйственным заботам: слышались крики пастухов, выгоняющих мычащих коров и блеющих овец на выпас в луга; появились столбики дыма над очагами у юрт; вон группа молодых егетов на конях отправляется куда-то. Видимо, но охоту – вчера в степи видели маралов.

Алтузак был ханом одного из племён балабашняков, занимающего степи и леса по берегам Мелеуза, Ашкадара и его притоков, Сухайлы и Стерли, и левобережья Агидели, до её изгиба у горы Кунгак-тау. Ему было тридцать лет, и он был избран ханом на курултае три года назад, когда предыдущий хан, брат его отца Бурук, пал в битве вместе с отцом Алтузака Аккошем, сражаясь с вторгшимися на север из степи месегутами. Тогда Алтузак возглавил воинов племени, и умело противостоял нагрянувшим врагам, а затем и изгнал их из угодий своего народа, и преследовал месегутов до самых южных степей. И не было на последующем курултае ни одного слова против его избрания главой племени, ханом балабашняков.

Когда-то месегуты были частью гузского иля, но после разгрома их кипчаками они рассыпались на отдельные роды и многие из них, как и некоторые гузы, пробивались на север, тесня балабашняков. Уже несколько десятилетий Степь пребывала в пожаре жестоких кровопролитных войн. И бывшие её хозяйева, вытесняемые грозными кипчаками, искали прибежища в окрестных землях. Балабашнякские племена с невероятным напряжением сдерживали их отчаянный натиск, но всё же им приходилось тесниться, уступая, кусок за куском, часть своих угодий.

Не об этом ли говорят его сны? Птица та тревожно смотрела на юг, словно ждал беды оттуда. Но что может сделать Алтузак и его племя, и так порядком обескровленное непрекращающимся многие годы натиском с юга? Правда за последние два года этот натиск заметно уменьшился – видимо, теперь там безраздельно господствуют одни кипчаки, другие уже все, наверное, покинули Степь, или уничтожены. Но сколько же в Степи развелось разбойников! Большинство из них – это бывшие гузские, а иногда и башнякские, воины, чьи племена полностью уничтожены. Набеги этих разбойников с юга, лишившихся рода и племени, причиняют немалый урон балабашнякам.

Мысли мрачные, снами последних ночей навеянные, беспокоят Алтузак-хана. Много дней он ходит, погружённый в раздумья тревожные, – не обращаясь к знахарям, зная, что сон этот не закончен ещё, а раз так, то нельзя о нём никому рассказывать, иначе можно спугнуть духов, нашёптывающих его ему в уши по ночам.

Так, в ожиданиях неопределённых и предчувствиях тревожащих, как и предыдущие, прошёл и этот день.

Вечером вернулись молодые охотники. Добыли трёх маралов, и Алтузак-хан, довольный, похвалил их, отметив, что скоро они уже будут настоящими воинами. Те сразу возвысились в своих глазах и в глазах своих сверстников – ещё бы, Алтузак-хан уже видит в них храбрых воинов и объявляет об этом во всеуслышание, и это – значащее признание.

Устроили пир на берегу Ашкадара, и сам хан отрезал от мяса марала по кусочку и из своих рук угостил каждого из молодых охотников. Это особая честь для юношей: согласно древнему обычаю, при сборе войска хан разрешает им присоединиться к нему. Их радость не имеет границ, но они, сдерживая чувства, никоим образом не проявляют её – не пристало им, гордым башнякским воинам, веселиться и шуметь пред лицом хана и уважаемыми старейшинами, присутствующими здесь. А ночью каждый из них, лёжа в своей постели, долго не может уснуть, живо представляя себе будущие битвы и сражения, в которых они, конечно же, будут победителями; громкая слава непобедимых воинов и всемерное уважение ожидают их, и с такими мыслями они, воодушевлённые, засыпают лишь под утро.

Алтузак-хан, как и народ его, закончив дела дневные, тоже ложится спать. И возвращается опять в тот самый сон...

Он выбирается из камышей, чтобы узнать, что напугало птицу волшебную. Вот он выбрался уже на открытое пространство, и смотрит внимательно по сторонам. Вокруг Алтузак волнистая степь с рассыпанными по ней небольшими холмами и островками леса. Вид здесь совсем не такой приветливый, что был у озера: тёмное небо хмурое словно бы давит, вызывая тревогу смутную, а степь вокруг бурая, как будто выжжена жестокой засухой (страшное зрелище для башняка). Солнца не видно из-за серого, тяжелого неба и Алтузак, для которого степь всегда была родным домом, к удивлению своему не может определить, в какой стороне юг.

Он оборачивается к озеру, чтобы сориентироваться. Озера нет, перед ним совсем другой пейзаж: катит свои волны неторопливая река, а далее, за ней, возвышаются горы, покрытые лесом. Алтузак сразу узнал Агидель и горы Урала. Река эта течёт на север – хотя во сне всё может быть и по-другому – и он поворачивает голову в сторону, где должен быть юг. Там, вдалеке, виднеется гора Кунгак-тау, полого устремляющаяся вверх и замыкающая гряду, протянувшуюся с севера на юг.

Внезапно нахлынула, откуда-то извне с сокрушающей силой, потребность попасть на вершину Кунгак-тау, охватила неистово Алтузак и заставила забыть обо всём, кроме этого устремления всепоглощающего. В глазах стало темно: он ничего не видит, – но он чувствует, что всё окружающее вдруг завертелось вокруг него в вихре, и он перестал ощущать своё тело – оно растаяло и исчезло, а он, Алтузак, всё же каким-то образом осознаёт происходящее. В окружающей тьме мелькают какие-то искры (звёзды?), какие-то неясные очертания чего-то неопределённого. А затем, спустя вечность, ощущение своего тела стало возвращаться постепенно – исчезли искры, и непонятные образы стали принимать какие-то, почти узнаваемые, формы. Вновь появилось ощущение опоры под ногами, а вскоре вернулось и его обычное зрение, – если только оно может быть обычным во сне.

Он стоит на вершине горы и видит, по окружающему пейзажу, что это Кунгак-тау. Но Алтузак не рассматривает раскинувшиеся вокруг необъятные дали: его внимание целиком приковано к сидящей там, впереди, фигуре. Это женщина, и она сидит спиной к нему, смотря вниз, на просторы бескрайние, уходящие к полыхающему где-то там, в знойной дали, югу.

Алтузаку она кажется знакомой, но он не может вспомнить, кто она. И это не просто когда-то увиденная им, быть может и случайно, женщина – его с ней связывают крепкие узы, но что-то не даёт ему её вспомнить. Но Алтузак уже на грани озарения: вот-вот он вспомнит её – ещё чуть-чуть, ещё один или два шага к ней, чтобы разглядеть получше, и всё!

...И он просыпается. Эта женщина... ему не хватило одного шага, чтобы узнать её. Но... Кунгак-тау! Следует отправиться туда: его сон ясно указал ему на это. Наконец-то он обрёл направление.

Сколько ночей слышал он в снах своих пение волшебной птицы, пока не отправился искать её? Эти сны были очень ясные и живые, неотличимые от повседневного мира. А Алтузак хорошо знал, что духи дают особую ясность во сне, если хотят показать что-то важное, влияющее на судьбу. Много ночей искал он в снах источник этой чудесной мелодии, и нашёл его на озере, окруженном камышами. Но и озеро это, и местность, по которой шёл к нему Алтузак, были незнакомы ему, и он не понимал, что всё это значит. Последний же сон указал ему на Кунгак-тау и с силой, которой невозможно было противиться, занёс его туда. Это явное, прямое воздействие из мира духов – настоящее указание, и Алтузак не может не подчиниться ему.

Начинался новый день. Итак, надо отправиться на Кунгак-тау. И надо взять с собой тех молодых егетов, что добыли вчера маралов: они прекрасные охотники и, наверное, из них получатся отличные воины. Как они обрадовались вчера, когда хан сам угостил их кусочками мяса из своих рук: лица их расцвели, глаза засияли гордостью, – но они сумели с достоинством удержать свои чувства, как настоящие мужчины. Теперь они ни за что не покинут стан – хоть целый год будут ждать – боясь пропустить столь важное в их жизни событие, как созыв ханом войска. Это Алтузак знал по собственному опыту.

Так и есть – выйдя из юрты на воздух, Алтузак-хан увидел недалеко группу вчерашних охотников. Они расположились вокруг большого дерева на берегу Ашкадара, и кони их тут же. Настоящих мечей ни у кого из них нет и пики лишь у двоих из восьми ребят, но у каждого лук и колчаны их полны стрел, а ещё дубины – настоящие боевые дубины: когда успели выстрелить?

Хан направился к ним. Егеты подобрались, внутренне подтянулись и, предав лицам своим серьёзное выражение, подобающее воинам, двинулись навстречу хану.

– Ну, как вы, храбрецы? Готовы к делу? – обратился к ним Алтузак-хан.

– Мы готовы к любому делу, Алтузак-хан, – с гордым видом ответил один из них, настроенный очень решительно.

Как же они молоды, даже усов-то настоящих нет.

– Тебя зовут Каракош, ты сын Тигоя?

– Да, Алтузак-хан, я Каракош, сын Тигоя. Со мной два моих брата, Баламир и Тигой. А это Гилар, сын Годека и его брат Белес, и трое сыновей Мусай-батыра: Бурибай, Аюхан и Туктамас.

– Мусай-батыр сильный и бесстрашный воин нашего народа. И я думаю, что он воспитал таких же бесстрашных воинов из своих сыновей. Будьте достойны его славы, Бурибай, Туктамас и Аюхан. Храбрый Годек погиб в бою с месегутами и покрыл себя славой, которую вы, Гилар и Белес, должны сберечь и приумножить, чтобы отец ваш мог гордиться вами в другом мире и радоваться за свой род. Тигой – один из сильнейших воинов – гордость народа балабашняков и я верю, что вы, Каракош, Баламир и Тигой ни в чём не уступите его храбрости и силе. Будьте достойны своих храбрых отцов, егеты. Вы молоды и ваши подвиги во славу народа балабашняков ещё впереди. Сколько вам лет, батыры?

– Мне скоро шестнадцать, – ответил самый старший из них, Каракош. – Гилару тоже. А Тигую и Аюхану, самым младшим, уже четырнадцать.

– Четырнадцать? Когда вашему деду Каракошу было четырнадцать лет, он ходил в поход на Булгарию в войске великого Курдас-хана и стал главой сотни. А вы, храбрецы, готовы идти в поход?

– Конечно, Алтузак-хан. Ты собираешь войско? – воодушевившись, спросил Каракош. – Ханы Кинели и Ика зовут нас в поход на Булгарию? Или на марийцев?

– Нет, Тогдек-хан и Бугуш-хан пока никуда не собираются. Я отправляюсь проведать южные наши кочевья и беру вас с собой. Возьмите припасов на два дня и ждите у моего шатра.

2. У реки Мелеуз.

Год выдался незасушливым и сейчас, в самой середине лета, степь буйно расцвела обильным разнотравьем. Девять всадников двигались по ней на юг, легко пересекая попадающиеся на пути мелкие речушки и крутые овраги. Речки эти все текли с запада на восток, впадая, вскоре, в неторопливо несущую свои воды на север, к далекому Сулману, Агидель. Блеск её широкой поверхности, скрытой чаще всего густыми лесами, иногда открывался взору девяти всадников, по левую сторону от них. Всадниками этими были Алтузак-хан и восемь его новых, молодых воинов.

Молодые воины раскинулись широкой шеренгой позади своего предводителя, Алтузак-хана, как и положено верным воинам, и зорко всматривались в дали бескрайние, окружающие их под синевую чистой небес сияющих. Они постоянно были начеку в своем первом походе. Хотя это и не настоящий военный поход и стычек с врагом не предполагается, но они сопровождают самого Алтузак-хана, вождя одного из балабашнякских племён – задача, достойная храбрых воинов. Да и идут они на юг, к границам Степи, а там всегда сохраняется опасность набега. Это ощущение – возможной встречи с врагом – возбуждало их дух и горячило кровь: они готовы были пустить коней своих быстроногих вскачь, до самой Степи, и броситься в битву с ненавистными гузами и месегутами, и победить их всех. И никто не смог бы остановить их, батыров несокрушимых, если бы сам Алтузак-хан, победитель гузов и месегутов, марийцев, мордвы и болгар, повёл их в битву. И разбили бы они кипчаков, и загнали бы их в пустыни бесплодные, а затем, переправившись через великую Идель, освободили бы братьев своих олобашняков. И легенды об их великих подвигах передавались бы, в песнях и сказаниях, через многие века, на удивление грядущим поколениям.

Возбуждение хозяев передавалось и их коням, и молодым воинам приходится сдерживать их, потому, что Алтузак-хан совсем не спешит, размышляя о чём-то, и движется, чуть впереди, шагом. Но иногда и он, поддаваясь настроению, пускает коня вскачь и тогда они несутся широкой цепью, распугивая ошалевших зайцев, куропаток и охотящихся за ними лисиц. Но случается это не так часто, как того требует настрой молодых егетов и много времени они просто идут шагом.

Неповторимо прекрасен этот край, по которому движутся всадники: цветёт летняя степь и воздух благоухает запахами разнообразнейших цветов и трав, в которых вольготно чувствует себя всякая живность; холмы, разбросанные вокруг, пестреют цветами яркими, и их живописный вид наполняет радостью и гордостью за свою благословенную землю сердца всадников; попадающиеся иногда леса прохладой веют и силой живительной, рождённой союзом земли, воды и неба; мелкие речки и ручьи журчат сладко и петляют, в низинах прячась и, влагой одарив луга зелёные, несут воды свои серебристые на восток, к широкой Агидели: сама Агидель показывается иногда вдалеке, слева от пути, а за ней, ещё дальше к востоку, высятся горы Урала, прекрасные и величественные, и за которыми, по преданиям, скрывается сказочная страна Ирандек.

Иногда, радуя взор, попадают коней быстроногих табуны резвящиеся, стада обильные коров величаво спокойных и отары бессчётные овец тучных. Алтузак-хан, проезжая по владениям народа своего, испытывает удовлетворение: уже второй год степи и луга привольные одаривают людей – увеличиваются стада на буйно разросшихся травах сочных, дичи всякой много развелось охотникам на радость, и даже волки, которым хватало добычи всю зиму, не нанесли большого урона скотине. Злые духи болот, туманов и подземного мира не насылали на народ балабашнякский болезней страшных, а лютые дух северных ветров, хозяева жесто-

ких морозов и чёрных буранов, прошедшей зимой пощадили эту страну. Не было и набегов из Степи. Словно край этот обрёл благословение самого Неба.

Алтузак начал понимать суть снов своих тревожащих затаённой угрозой. Обычное озеро, затерянное где-то в степях этого края, приютило волшебную птицу и, впитав сияние её, расцвело чистой красотой, исполненной духом умиротворения. Два года в этой стране царит благополучие – что это, как не влияние небесных покровителей? Кто-то из них осенил край этот живительным светом благоденствия, – и это его видел Алтузак в снах своих в образе волшебной птицы. Но теперь... Какая-то угроза исходит с юга, с жарких степей, и об этом ясно говорил его предпоследний сон.

Сможет ли он уберечь землю свою и спасти от беды народ свой? Алтузак не знает этого, но он знает, что если понадобится, то отдаст жизнь, защищая племя. Как это сделали Бурукхан, отец Алтузака Аккош и множество других достойнейших людей.

Вскоре стала видна продолговатая гора Кунгак-тау – цель путешествия Алтузака. Солнце клонилось к горизонту и начинало смеркаться: наступал вечер. Остановились на берегу реки Мелеуз со спокойными и уютными водами. Здесь были владения Ванах-тархана – главы одного из сильнейших родов племени – рода Красной Волчицы.

Расседлали и разнуздали коней, за день утомившихся, и, опутав им передние ноги ремнями, отпустили пастись на привольный зелёный луг, расположенный в широкой петле реки. Алтузак, отпуская своего коня, потрепал его по шее и прошептал ему в ухо:

– Долгой была сегодня наша дорога, мой верный Кангар. Ты устал и мне больно от этого. Но ты мой лучший друг и никогда не упрекнёшь меня, как бы тяжело тебе не было. Я всегда это помню. И я благодарен тебе. А теперь отдыхай, друг – впереди ночь.

Егеты тоже что-то прошептали своим коням – каждый свои слова. Верный конь – это хороший, а случается, что и единственный, друг жителя степи. Степняк и его конь живут бок о бок, и между ними не может не возникнуть настоящая дружба и взаимная преданность: ведь слишком многим обязаны они друг другу. Хотя, конечно же, всадник большим обязан коню, и он не забывает об этом, всемерно почитая своего четвероногого товарища.

Егеты тут же выбрали между собой сторожевого – им был назначен Баламир, – чтобы стеречь коней. Никогда не оставляют степняки лошадей своих без присмотра, какой бы спокойной и безопасной не казалась обстановка вокруг. Но это предстояло Баламиру позже, когда совсем стемнеет, а сейчас, он вместе со всеми, сел ужинать.

На берегу рек развели костёр. Стали доставать еду и, видя, что у их предводителя, Алтузак-хана, ничего нет, лучшие куски старались положить поближе к нему. Но он протянул к ним руку с направленной вперёд ладонью и, этим жестом отказываясь от всего предложенного, сказал:

– Ешьте без меня, воины. Завтра вам понадобятся силы.

После этих слов он встал и, отойдя чуть в сторону, уселся на небольшом пригорке, на сухое бревно. Он молчал. Егеты, проявляя уважение к хану, ели молча, стараясь не нарушать тишины, чтобы не помешать мыслям Алтузак-хана.

Он же сидел неподвижно, и рассматривал исчезающую, в наступающей темноте, громаду Кунгак-тау. Что зовёт его на вершину её таинственную? Что найдёт он там завтра, когда поднимется на самый верх. Может это будет знамение о неотвратимой уже беде, которой не избежать? Или наказ о том, как предотвратить несчастье, грозящее его стране? Ясно одно – завтра ему предстоит очень важное, едва ли не важнейшее, событие в его жизни.

С приходом сумерек наступала тишина: птицы умолкали, готовясь ко сну, – лишь слышался в реке плеск рыб и, иногда, водяных крыс.

Вдруг тишину нарушили негромкие слова Белеса:

– Двое с юга, мой хан. Взрослые мужчины.

Алтузак его поправил – назидательным тоном, как воспитатель ученика:

– Не двое, а трое – с ними ребёнок. И движутся с юго-запада – вам, сидящим внизу, должно было бы слышаться лучше, чем мне.

– Прости, мой хан, впредь я буду внимательней.

Алтузак обладал слухом, лучшим, чем у большинства людей и, зная это, не рассердился на своих егетов.

Вскоре из-за зарослей ив, в изобилии росших по берегам Мелеуза, выехали трое всадников. Подъехав к костру, двое спешили и отдали поводья своих коней третьему, который оказался не ребёнком, а молодой девушкой одного возраста с воинами, сопровождающими хана. Этими же двумя были старый Ванах-тархан, глава рода, обитающего у этой реки, и его старинный друг, прославленный Чегет-батыр. Они ответили на уважительные приветствия молодых воинов, и подошли к Алтузак-хану.

– Приветствую вас, почтенные Ванах-агай и Чегет-агай. Как ваше здоровье, силы?

– Благодарим, Алтузак-хан, у нас всё хорошо. А ты как, достойнейший славный хан? – обратился старый Ванах. – Мы узнали, что ты появился у нашей реки и поспешили встретить тебя, чтобы пригласить в наши шатры. – Ванах-тархан вдруг внимательно всмотрелся в лицо хана, взгляд которого... Да, так и есть... – Но прости нас, великий хан, мы не должны были беспокоить тебя на пути духа, которым ты следуешь. Если бы мы знали...

– От вас ничто не укрывается, почтенные.

– Твой взор отмечен печатью духа, – сказал Чегет-батыр. – И тело твоё не нуждается в пище, что могут подтвердить твои воины. Путь духа светел, славный хан – следуй по нему радостно, с открытым сердцем.

– Да, я на пути духа. Меня ведут сны и поэтому, как ты правильно заметил, мудрый Чегет-батыр, тело моё не принимает пищу, готовясь к сокровенному.

– Пусть Тэнгри пребывает с тобой, – пожелал хану Ванах-тархан. И, положив одну руку на плечо Алтузаку, другую протянул к появившимся в вечернем небе, еле заметным ещё, звёздам. – И ты пребудь с ним...

После этого оба старика ушли. Забрали своих лошадей у державшей их девушки, вскочили на них, с необычной для их преклонного возраста ловкостью, и все трое отправились в том же направлении, откуда до этого появились.

Молодые воины смотрели вслед исчезающей во тьме троице. Они впервые видели непобедимого и могучего, когда-то, воина – прославленного во многих песнях и преданиях башняков Чегет-батыра, сразившего в битве, в пору своей далёкой молодости, жестокого Коркута, коль-эркина гузов. А какая красивая девчонка была с ними, интересно, кто она? Пока она была одна, ожидая своих старых спутников, ни один из егетов не мог с ней заговорить, ведь рядом были глава её рода и один из самых почитаемых батыров племени, и, наконец, сам глава племени. Но все они смотрели на неё с любопытством, в то же время любясь её красотой.

Пора уже и ложиться спать. Воины, кроме Баламира, стали укладываться на ночлег. Расположились вокруг костра, приспособив под головы седла своих коней.

И лишь Алтузак-хан ещё сидит на пригорке – безмолвно и неподвижно...

Баламир сходил на луг, проведаль лошадей, постоял там, прислушиваясь к окружающей тьме, и, вернувшись к костру, сел на самом берегу, глядя на чёрную воду. А мыслями его постепенно овладевала та девушка – юная красавица, что сопровождал стариков, предводителей местного рода. Какая она была красивая. И как гордо, даже с вызовом, взидала на них, изумлённо смотревших на неё. А как уверенно она, такая хрупкая и невысокого роста, управляется с лошадьми – как опытный и сильный наездник. И даже лук и стрелы были при ней, словно она настоящий воин. Сможет ли Баламир когда-нибудь увидеться с ней, узнать её имя?

Звёздная страна сверкала над егетом, сияя блеском волшебным с неба ночного... и в блеске том виделись ему её глаза. И понял он, что ради этой тоненькой, стройной девушки с ясным, совсем не робким взглядом, готов на любые подвиги. Хорошо, что именно он выбран

сегодня сторожевым, потому, что всё равно ему бы не сомкнуть глаз этой ночью. Интересно, куда они завтра отправятся с Алтузак-ханом? Спросить хана он не мог: Баламир ещё молод и не заслужил права обсуждать с ним его намерения.

Позже Баламир ещё раз сходил к лошадям, убедился, что всё в порядке и вернулся на своё место на берегу, у костра.

Алтузак-хан уже спал, прислонив голову к бревну, на котором до этого сидел. Чистое небо сияло ярко мерцающими звёздами, и Баламир стал любоваться ими. Он знал названия многих из них, благодаря своей бабушке, часто рассказывающей внукам своим о высшем, небесном, уровне мира.

Так и просидел егет всю ночь, охваченный новым для него, и совсем не подходящим для ханского воина, но всё же таким сладостным и неповторимо восхитительным чувством – вдохновляющим и заставляющим его душу радостно петь в звёздном безмолвии...

Время же шло своим чередом и на востоке начало светлеть: наступало утро. Воины просыпались и готовились к новому дню; поднялся и Алтузак-хан.

– Седлаем коней, великий хан? – спросил Каракош, горя жаждой свершений.

– Да, пора двигаться. Но сейчас наши пути расходятся: дальше я беру с собой лишь одного из вас – тебя, Белес. Вы же отправляйтесь к Ванах-тархану и к верховьям Сухайлы и Ашкадара – передайте главам родов, что хан велит снарядить постоянные дозоры к границе Степи. Потом возвращайтесь и ждите меня здесь. Когда вернусь, не знаю, может сегодня к исходу дня, а может через несколько дней. Каракош, ты назначаешься десятником – старшим среди своих друзей. Всё.

Тут же подозвали своих коней и начали их седлать. Десятник Каракош, самый приближённый к вождю, оседлал в первую очередь Кангара, ханского коня, и лишь затем взялся за своего. Закончив, повскакивали в сёдла, готовые к дальней дороге. Алтузак-хан оглядел своих воинов, попрощался взмахом руки, и двинул Кангара на восток, вниз по течению Мелеуза. Белес отправился с ним.

Каракош обратился к своим воинам, волею самого хана подчинённых ему:

– Путь предстоит дальний: Сухайла далеко, а Ашкадар ещё дальше, поэтому, если подниматься ещё и по Мелеузу, то это большой крюк и к вечеру можно не успеть вернуться, и что тогда подумает о нас наш хан? Значит так: двое едут по Мелеузу к Ванах-тархану, а остальные сразу на запад, к Сухайле и Ашкадару. По Мелеузу поедут...

– Я и Тигой! – вскрикнул Баламир. – Разрешите нам, брат.

– Хорошо, поезжайте вы. Остальные за мной, – скомандовал десятник Каракош и пустил коня вскачь к поднимающимся на западе холмам.

Баламир воспрял духом: сбывается его стремление, ночью казавшееся таким далёким и несбыточным – он посетит кочевье Ванах-тархана и, возможно, увидит там ту девушку, а может быть, даже узнает её имя. А вдруг ему повезёт, и он сумеет даже поговорить с ней – разве это так уж невозможно?

– Вперёд, Тигой, поехали!

И они поехали вверх по реке. На западе виднелись причудливой формы, очень красивые холмы, пестрящие всеми красками в сиянии наступающего утра; ещё дальше, к юго-западу, возвышалась невысокая лесистая гряда, именуемая горами шотигесов; а слева, далеко на востоке, за Агиделью, узнаваемой по протянувшемуся вдоль её русла туману, вздымались зелёные от густых лесов горы, замыкаемые с юга вершиной Кунгак-тау.

Когда солнце поднялось уже над горами, Баламир и Тигой увидели впереди огромную отару овец. Пастухов пока не видно, но они обязательно должны быть где-то рядом – у них можно узнать, где искать стан главы рода. Заставив коней гнать во весь опор, двое братьев устремились к отаре. А вон и пастух, на склоне холма. Это оказался мальчик, лет десяти, на рыжей кобыле. Одет он был в рваные обноски, явно с чужого плеча. Наверное, из булгар.

– Эй, малай! – крикнул ему повелительно Тигой, когда они с Баламиром подъехали к холму. – Давай сюда!

Тот, увидев двоих вооружённых всадников, тотчас же поспешил выполнить приказание. Когда он, торопливо погоняя ударами хлыста старую ленивую клячу, кое-как спустился с холма, Баламир спросил его:

– Ты кто такой, малай? Чьих овец пасёшь?

– Я из кочевья Ванах-тархана. А отара это – Гирес-батыра, брата тархана.

– Где стан Ванах-тархана? В какой стороне?

– Вон туда, – указал пастушок рукой на юг, вверх по течению реки. – На ту гору. Вода обегает его и в дырах там живут ласточки, как у нас на Идели. Вам надо подняться наверх и посмотреть налево, в те луга. Увидите стан, его оттуда хорошо видно.

– Это значит, он на том берегу?

– Да. Сперва поднимайтесь наверх. Там будете знать, куда ехать. А переправитесь потом, когда посмотрите сверху.

– Ну ладно, малай, спасибо тебе. Хочешь мяса? – вдруг предложил Баламир.

– Нет, я зайца поймал. И рыбы много. Только она маленькая. У нас на Идели была большая, как эти овцы. А здесь мелкая, хотите попробовать?

– Ух, ты, – удивился неожиданному предложению Баламир. – У нас времени нет, в другой раз попробуем. Ты хороший охотник, малай – вырастешь, станешь воином. Тебя как зовут?

– Кусюк. Но дома меня звали Газизом.

– Ладно, прощай Газиз.

Двое всадников уже скрылись в зарослях, двигаясь в направлении указанного им холма, когда Газиз услышал оклик:

– Кусюк, как дела?

Это была внучка тархана, та самая девушка, которая была вчера с ним и с Чегет-батыром в лагере хана, и которую надеялся встретить Баламир. Девушка выехала из распадка меж двух холмов. Там, вдали, у Оленьего леса, стояли юрты семьи Чегет-батыра, и вчера, после посещения лагеря хана, Ванах-тархан со своей внучкой поехали ночевать к нему. А сейчас она возвращалась домой – одна, без деда, который ещё остался у своего старого друга.

– Хозяйка, там два воина проехали.

– Что за воины, Кусюк? Из наших?

– Нет, но тоже башняки. Похожи на настоящих воинов, только доспехов нет, и мечей тоже. Но дубины имеют и луки огромные. Ищут кочевья твоего деда. Вон они, хозяйка, на гору поднялись.

Девушка посмотрела на вершину холма и увидела там двоих всадников. Она поняла, что это двое из тех, что вчера прибыли с ханом. Ясно, что они не просто так ищут кочевье тархана – у них какое-то поручение. Но тархана нет в кочевье и их надо отвести к нему.

– Ты разговаривал с ними, Кусюк?

– Да. И хотел угостить их рыбой. Я наловил на рассвете.

– Это воины самого хана, Кусюк. Ты разговаривал с ними и для тебя это хороший знак.

– Правда, хозяйка? Один из них сказал, что когда я вырасту, то тоже стану воином.

– Станешь, Кусюк, обязательно.

После этих слов внучка тархана двинула свою пегую кобылу к реке, чтобы переправившись через неё, оказаться на пути этих ханских воинов.

Баламир и Тигой, в это время, уже разглядели с вершины холма, огибаемого Мелеузом, стан Тархана, главы рода Красной Волчицы. Это было кочевье из десятка юрт, расположенное на берегу небольшого озера, окружённого ивами и тополями. Огромное стадо коров двигалось куда-то на дальние выпасы, а вон другое, и ещё одно показались за небольшим лесом. Отары овец, которых невозможно сосчитать, виднеются то тут, то там. И табуны лошадей, вид которых

радует глаз, во множестве пасутся по бескрайним зелёным лугам. Стан-то, оказывается, совсем рядом: – они будут там очень скоро.

Заметив направление пути, по которому следует двигаться, братья спустились с вершины холма и пустили своих коней в воду реки, пересекающей им путь. Выбрались на противоположный, каменистый и песчаный, берег и двинулись дальше, объезжая многочисленные заросли кустарника и участки леса.

Вдруг они услышали, за группой деревьев, топот копыт несущегося галопом коня. Вот уже и всадника видно в просветах между деревьями – он движется к ним. Братья остановились в ожидании. У Баламира ёкнуло сердце – это же та пегая кобыла! Неужели это она, та прекрасная девушка, чьи сияющие глаза он видел всю ночь в сверкании звёзд небесных, и чей шёпот слышал в журчании ласковом реки?

Пегая кобыла выскочила на поляну, где стояли братья, и девушка, натянув поводья, остановила её резко, заставив взвиться на дыбы. Баламир обомлел – что-то случилось с ним, и непонятный жар охватил его тело, заставив оцепенеть.

– Я слышала, вы ищете нашего тархана?

Баламир молчит, дара речи лишённый, да и всё тело как будто уже не его.

– Да, мы ищем вашего тархана, – ответил Тигой. – По поручению хана.

– В стане вы его не найдёте – его там нет.

– Где же его найти? – покосившись на странно молчавшего Баламира, спросил Тигой. Старшего его брата словно оглушило: он, похоже, даже шевельнуться не может. Ну и дела – что это с ним такое?

– У Оленьего леса, в кочевье Чегет-агая – это в другую сторону. А зачем он вам? – поинтересовалась девушка.

Тигой ничего не сказал, справедливо полагая, что на такой вопрос должен отвечать сам Баламир, как старший.

– Эй, что с ним? – глядя на старшего из братьев, с весёлым смехом спросила девчонка, – тот и вправду выглядел смешным со своим покрасневшим лицом. Но она быстро всё поняла и, сама уже охваченная смущением, стала рассматривать его с интересом. Затем, спохватившись, что внимание её излишне повышенное, опустила глаза и сказала: – Я догнала вас, чтобы проводить туда. Пастушок мне рассказал о вас. Поедемте со мной.

Лишь когда они направили коней обратно, к реке, Баламир, наконец, пришёл в себя. Страхнув оцепенение, он обрёл дар речи.

– Мы ищем тархана по поручению нашего предводителя, Алтузак-хана. Мы его воины и меня зовут Баламир, а это мой младший брат Тигой, мы – сыновья Тигоя и род наш владеет полями Куганака. А тебя как зовут, красавица? – спросил Баламир и незаметно сделал знак рукой братишке, чтобы тот отстал.

– Ишь ты, быстрый какой – имя ему скажи. А только что и слова вымолвить не мог, наверное, ханские заботы вскружили голову, да, бесстрашный батыр? – засмеялась девушка.

Осмелевший егет заговорил откровенно:

– Голову мне вскружила твоя красота. Я и не знал, что бывают такие прекрасные девушки, что смогут вскружить мне голову.

Девушка, смутившись, опустила голову и искоса поглядела вбок, на своего спутника. А он хорош собой: крепкий и высокого роста, лицо гордое и волевое, как у настоящего воина, а серые глаза сияют добротой и, в то же время, внутренней силой – такие глаза привлекают людей. Девушка поняла, что он нравится ей – но не может же она признаться в этом. Правильнее будет пока посмеяться над ним.

– А вы и вправду воины? Скольких врагов ты сразил, батыр? И где твои меч и копьё? Или ты поражаешь их этой самодельной дубиной?

– Только вчера хан назвал нас воинами. И я ещё не встречался с врагом в открытом поле. Но будь уверена: когда это произойдёт, у меня будут и его конь, и его оружие, и его доспехи. Его лук я подарю тебе, твой-то ведь не настоящий, – сказал Баламир, имея в виду её облегчённый и укороченный, можно сказать детский, вариант башнякского лука. – Его амулеты я подарю твоей матери, чтобы она знала, что я сильный воин и что она может отдать за меня свою дочь, которую зовут... Как тебя зовут?

– Слишком ты быстрый, – не поддалась на уловку девушка, – ты сперва победи врага.

– Думаешь не смогу? Или испугаюсь?

Когда подъехали к реке, девушка разогнала свою пегую кобылу и устремила на ней в воду реки, подняв фонтаны брызг. Егет на своём коне бросился следом. В три-четыре прыжка преодолев поток, они понеслись в луга. Тигой держался на почтительном расстоянии от них, повинувшись указанию брата.

Как же невыразимо прекрасно это ощущение – нестись верхом на быстроногом коне по бескрайней степи, подставляя лицо восхитительному, захватывающему дух, напору вольного ветра, наполненному запахами душистых степных трав. Баламира, так же, как и девушку, и так переполнял душевный подъём, вызванный новым для них обоим чувством, таким приятным и чудесным, будоражащим душу, и заставляющим совсем по-другому смотреть на всё. Как всё красиво вокруг, почему же раньше это было не так заметно?

Оказавшись на вершине одного из холмов, девушка вдруг остановила свою лошадь. Баламир был рядом с ней, а Тигой остался внизу, позади них.

– Значит, говоришь, у меня лук не настоящий, да? – припомнила ранее высказанное девушка. Она указала на соседний холм, где стояло высохшее дерево, украшенное развевающимися на ветру разноцветными лентами. – Попадёшь в то дерево?

– Это же дерево духов, – воспротивился Баламир. – Нельзя стрелять в него!

– Это моё дерево духов, и это я украсила его. Смотри: сейчас и моя стрела украсит его.

Расстояние до дерева неблизкое и попасть в него – непростая задача. Девушка достала лук, вынула из колчана стрелу и, ловким и предельно грациозным движением, заставившим сердце егета замереть, натянула тетиву, развернувшись вполборота на своей лошади. Её сияющие карие глаза сузились как у львицы, почуявшей добычу, неотвратимо и окончательно соединяя, готовую к полёту стрелу и дерево на соседнем холме, невидимой линией своего неподвижного, сверкающего сталью взгляда. Разворот вбок и лёгкий наклон назад идеально подчёркивают прекрасную осанку, а вытянутый назад локоть правой руки, натягивающей тетиву, и выставленная вперёд левая, держащая изогнувшийся дугой лук, дополняют этот бесконечно восхитительный образ настоящей гордой воительницы, хозяйки и повелительницы древней Степи. Коричневые прямые волосы, ниспадающие из-под горностаевой шапки, колышутся на ветру, и по их движению девушка определяет силу и направление ветра, повлияющего на полёт стрелы. Лошадь застыла под хозяйкой, чувствуя её безупречную собранность, предшествующую выстрелу. Пальцы девушки разжались – слух пронзил перелив серебряный, в дрожи тетивы звенящей – и стрела умчалась, просвистев, к цели. Бесконечно долгий миг, затем глухой стук – это стрела вонзилась в сухое дерево, прямо в цель.

– Это моё дерево, Баламир. И я разрешаю тебе украсить его своей стрелой. Попадёшь рядом с моей – может быть, скажу своё имя.

– А ты хорошо стреляешь. И лук у тебя отличный, хотя и выглядит таким маленьким.

– Его сделал сам старый Турля. Ну что, сможешь попасть в дерево?

Баламир достал свой лук, вложил стрелу и натянул волосяную тетиву. А ведь далеко, да и ветер – можно и не попасть. Он тогда сгорит со стыда. Нет, нельзя промахнуться – надо собраться и настроиться. Прикинув силу ветра, Баламир приготовился. Стрела остра, рука крепка, послушна пальцам тетива. Зорки глаза, и цель ясна, и верно будет сражена. Наполнив

сердце древним заклинанием, Баламир, стрелок меткий, тщательно прицелился и выпустил стрелу. Она попала в цель, правда не очень близко к предыдущей.

– Теперь ты назовёшь своё имя, красавица, – обрадовался егет.

– Я же сказала, если попадёшь рядом с моей, а твоя где? Совсем в стороне.

– Нет, не надо отговариваться, ты обещала.

– Ну всё, хватит, стрелок. Посмотри вон туда, видишь вдали лес?

– Да.

– Это Олений лес, подъезжайте к нему с юга – там юрты Чегет-агая. А мне пора домой возвращаться, дальше я с вами не поеду, – сказала девушка и развернула свою лошадь.

– Постой, – расстроился Баламир и, догнав девушку, остановил её лошадь, ухватив за повод. – Не уезжай, прошу тебя, – взял девушку за ладонь.

Та не одёрнула свою руку.

– Мне действительно пора, Баламир, – сказала она и другую свою руку положила поверх его пальцев. – Может быть, ещё свидимся.

– Обязательно свидимся. Я же знаю, в каком кочевье ты живёшь.

– Будет надо, найдёшь Кусюка, пастушка того.

– Зачем?

– Вот глупый, через него и меня найдёшь. Не будешь же в стане меня искать. Ну, всё, прощай Баламир. Я уезжаю.

– Прощай, красавица.

– Меня зовут Айхылу...

И Айхылу поехала вниз с холма. Проезжая мимо поднимающегося Тигоя, улыбнулась: «Прощай, Тигой», – и поскакала во весь опор к реке.

Баламир, окрылённый, восхищённо смотрел вслед прекрасной Айхылу...

Небо всё больше хмурилось – становилось пасмурно...

А потом они побывали в кочевье Чегет-батыра. Повидали тархана. Передали ему поручение хана отправить дозоры к южным рубежам...

Вернувшись к месту сбора, где велел ждать Алтузак-хан, они стали ждать. Никого не было целый день. До самого вечера Баламир порывался отправиться к пастушку Газизу – душа его стремилась к Айхылу, но он не может послушаться твёрдого наказа хана ждать его здесь. В первую очередь он воин – всё остальное потом – и чувство долга не позволит ему покинуть это место. Так что, он должен отринуть все чувства и ждать, сколько бы ни понадобилось. Интересно, думает ли о нём Айхылу? Конечно думает: он ей тоже нравится – Баламир, хоть и совершенно неискушённый в таких делах, чувствовал это. Она же смотрела на него и её сияющие, как звёзды, карие глаза сказали ему об этом.

В конце дня, когда начался дождь, вернулись трое братьев: Бурибай, Туктамас и Аюхан. У Сухайлы, оказывается, они разделились – Каракош с Гиларом поехали дальше, к верховьям Ашкадара, а трое вышеназванных братьев стали искать кочевье главы сухайлинского рода. И лишь перед самым заходом солнца, когда уже отгремела гроза, вернулись Каракош с Гиларом. Итак, поручение хана выполнено: тарханы трёх южных родов получили указания, воины, во главе с Каракошем-десятником, ждут своего вождя в установленном месте, на берегу Мелуза...

3. Кунгак-тау.

Алтузак-хан и Белес, двигаясь вниз по Мелеузу, добрались до широкой Агидели. На том берегу темнел густой лес. Чтобы добраться до Кунгак-тау, надо переправиться через эту широкую реку, и хан и его молодой воин поехали вниз по течению реки к месту, где можно было бы перейти её вброд. Такое место нашлось быстро – это была порожистая отмель с бурлящими, но не глубокими потоками, – и всадники перебрались на другой берег. Здесь были уже владения бурджан, древнего народа, с которыми у балабашняков были дружественные отношения.

Теперь перед ними открылся прямой путь к Кунгак-тау. Осталось только подняться на безлесную возвышенность, тянущуюся с севера и ведущую, всё поднимаясь и поднимаясь, к самой горе.

Небо, в отличие от вчерашнего, постепенно хмурилось, наполняясь серыми облаками. К вечеру могла начаться гроза, но не раньше. Пологий гребень, ведущий к вершине горы, был безлесным поначалу. Но далее, впереди, где и начиналась сама Кунгак-тау, был уже настоящий густой лес.

Подъехав к границе леса, стеной стоящего перед ними, Алтузак-хан и его спутник увидели, выложенную кем-то в незапамятные времена, невысокую пирамиду из камней. Это было древнее святилище, предназначенное для умиротворения духов. Кем и когда оно было построено? Возможно, то были древние люди, живущие ещё лишь дарами природы, но уже отчётливо сознающие, что её духи властны над всем их существованием. Ведь говорится в преданиях шаманов, что первые неспящие, положившие начало возникновению тайных братств Хранителей, жили ещё в те давние, сокрытые мраком времена, когда у человека не было коня и лука и людьми ещё не правили ханы. В таких вот местах, наверное, те люди разговаривали с духами, прося у них удачи на охоте или в войне, или исцеления от болезней, – и обозначали эти места такими сооружениями. И каждый путник, пересекающий эту границу, оставлял здесь, на этом магическом месте, какое-нибудь подношение для духов горы. Это было священным действием, поддерживающим равновесие: человек благодарил окружающий мир, почитая его этим жестом, исполненным глубочайшего смысла и тончайшего волшебства.

Алтузак-хан и Белес соскочили с лошадей, и подошли к пирамиде. Здесь давно никого не было: не видно следов человека, не считая самого сооружения. В лесу всюду щебетали птицы; под высоченной ветвистой сосной, в переплетении её выпирающих из земли корней, копошилась маленькая черепаха; а далее, в тени леса, люди увидели олениху и её детёныша, жёлтым пятном маячившего в зарослях кустарника.

Камни пирамиды зеленели пятнами мха.

Алтузак-хан снял с шеи серебряную цепь с серебряным же украшением, в виде изображения медведя, склонившего голову к передним лапам, и поднял её, зажав в правой руке, над головой, словно показывая всему миру.

– Я Алтузак, хан народа балабашняков. Вступаю в этот лес, на эту священную гору и прошу вас принять этот дар в знак моего преклонения. От чистого сердца я предлагаю этот дар – примите его.

И у границы густого леса, покрывающего Кунгак-тау, хан, предводитель степного народа, что из века в век кочевал внизу, на равнинах, почтительно, обеими руками, положил серебряное украшение на один из камней древнего святилища.

Белес же, достал из колчана несколько стрел, поднял их на раскрытых ладонях кверху, в жесте предложения, и молча, но благоговейно, положил их на камни пирамиды.

Исполнив этот древний священный ритуал, хан и его воин, сев на своих коней, продолжили путь к вершине. Теперь они двигались уже через сплошной лес. Алтузак, как и все баш-

няки, никогда не бывал на этой горе, хотя много раз видел её из степи. Долгий подъём сквозь густой лес давался им с трудом: лошади устали и с неохотой передвигали натруженные ноги. Но вот подъём закончился, хотя это ещё и не конец пути. Они продолжали двигаться вперёд, к оконечности вытянутой в длину горы, где, как Алтузаку привиделось в его сне, должна быть открытая площадка, открывающая вид на бескрайние просторы, уходящие к югу и западу. И в час, когда солнце, лишь изредка появляющееся из-за облаков, поднялось в высшую точку своего пути, путешественники добрались до своей цели.

Всё было так, как в его сне. И та женщина... она сидела в том же положении, спиной к ним.

Алтузак спешил и, велел Белесу оставаться на месте, пошёл вперёд.

– Ты пришёл, хан башняков, – не оглядываясь, сказала женщина. – Я ждала тебя.

– Да, я пришёл.

– Иди сюда, сядь рядом.

Алтузак подошёл и сел возле женщины, сбоку от неё. Этой женщине, со смуглым и обветренным лицом, и чёрными, без единой седины, волосами, достающими до пояса, в равной степени могло быть как тридцать, так и шестьдесят лет. Пронзительный, но абсолютно спокойный взгляд её чёрных глаз таил в себе необычайную силу и, вместе с тем, неземную отрешённость, – и он проникал, как показалось Алтузаку, в самое сердце.

– Я звала тебя, хан.

Она говорила на языке его народа: – чисто и правильно, словно это её родной язык. А может, так оно и есть?

– Сначала, я расскажу тебе, как появилась Агидель. Ты, конечно, знаешь это предание, появившееся здесь задолго до вас. Но я расскажу ещё раз, слушай же, хан, – и женщина начала свой рассказ:

«Дочь Урала, прекрасная Агидель – это сияющая душа всего этого края, великолепием своим радующая людские сердца. А ведь раньше, во времена юности мира, была она прекрасной девой ослепительной красоты.

И узнал о ней Ашак, сын великого правителя, юноша с каменным сердцем. И поехал к ней, уверенный, что Агидель согласится стать его женой. Но она не приняла богатых даров, отвергая, тем самым, его сватовство. Ашак рассвирепел, ведь никогда ещё не испытывал он отказа своим желаниям. Схватив юную деву, юноша бросил её в свое седло и помчался на юг, увозя Агидель. Опасаясь расправы Урала и его грозных воинов, Ашак гнал коня во всю прыть, безжалостно хлестая бока его бичом. А верный беркут Ашака, его охотничья птица, летел высоко над ними, взирая с небес на их путь.

В отчаянии воззвала Агидель к старому Уралу голосом самого сердца: «Отец мой! Не позволь унести меня! Не вынести мне разлуки с Родиной!» И взмахнул Урал своим бичом, свист которого разрезал воздух до самого неба так, что беркут Ашака заметался в испуге кругами. И ударил хлестко о землю, и громоподобный щелчок расколол саму землю перед конём Ашака. Провалился конь под землю, и разлом над ним начал смыкаться.

Агидель же бросилась бежать назад, на север, в сторону родного дома. Но быстр был в беге Ашак, и скоро схватил её своими сильными руками. Вновь воззвала Агидель к своему отцу: «Как же крепко он держит меня! Не вырваться мне из этой хватки!»

И второй раз взмахнул Урал бичом своим волшебным, и, раскрутив его над головой, щелкнул так, что воздух вокруг задрожал и зазвенел, оглушая пронзительным стоном.

И растворилась Агидель в этом дрожащем звоне. Обратилась водою текучей и легко выскользнула из объятий Ашака. Став рекой сверкающей, понеслась стремительно прочь от юноши, неподвластная более его жадным рукам.

Тут же беркут Ашака, видя, что добыча ускользнула из рук хозяина, бросился с неба вниз, чтобы преградить путь Агидели, не дать ей утечь далеко. А Ашак озлобленный, не способный

удержать реку в руках, всё хватал и хватал воду. Но лишь разбрызгивал её высоко над своей головой.

И из брызг тех возникла радуга, раскинув дугу волшебную над Агиделью. Но не радостным сиянием озаряла она всё вокруг, а светилась тревожной печалью. Ведь путь Агидели был перекрыт орлом, что крепко вцепился когтями в землю и широко раскинул свои могучие крылья. Не прорваться светлой Агидели через такую преграду – слаба она против великой птицы.

Лишённая теперь голоса, сиянием радуги обратилась Агидель за помощью к Уралу отцу.

И уже в третий раз взмахнул он бичом своим, и яростно щёлкнул в сторону недругов Агидели, чтобы навсегда уже остановить их. Гром от бича устремился в сторону Ашака и его беркута, сотрясая всё грохочущим гневом.

Но не поразил он полностью Ашака. Конь его упорно выбирался из-под земли, и голова его показалась уже над поверхностью. И поразил гром Урала голову коня, за которой спрятался Ашак, и устремился дальше к беркуту, коснувшись самогò Ашака лишь чуть.

И от грома того обратился конь в камень, а следом за ним и беркут стал камнем, раскинувшись на пути Агидели. И хоть юноша мог ещё двигаться, но чувствовал уже, как каменеет тело, и замедляются его движения. Но зато Агидель была остановлена, как думал он в последнем своём торжестве.

А радуга Агидели, сверкая в небесах, привлекла другие реки этого края. И устремились на помощь сестре своей новой Ашкадарья и Стерля. С их помощью легко уже Агидель обогнула крылья каменной птицы и обрела, наконец, свободу желанную.

Ашак, почти лишённый уже подвижности, увидев свободу Агидели, задрожал в охватившей его отчаянной страсти к потерянной девушке. То последняя искра его жизни сумела зажечь в каменном сердце любовь, которую не знал до этого юноша, сын великого правителя.

В последнем отчаянном усилии вырвал Ашак из своей груди сердце, и бросил вслед Агидели. «Возьми, прекрасная Агидель, моё сердце! Больше оно не принадлежит мне!»

Но не приняла красавица последнего дара юноши. И он, чтобы уже не стеснять свободы Агидели, отошёл от её течения в сторону. Со стороны ещё долго любовался Ашак плавными изгибами и сверкающей свежестью Агидели. И вот так, любуясь чудесной красотой, обратился в недвижный камень, как и его сердце, ставшее большим лишь в последний миг жизни.

А Агидель, кроме Ашкадры и Стерли, обретшая ещё много других сестёр и братьев, стала признаваема ими как старшая сестра, ведь она была дочерью старого Урала. И не пожелала уже вернуться домой в прежнем своём облике. Стала она сверкающим украшением прекрасного края, привлекающим благоволение небес на эту землю.

И верным стражем Агидели стал тот самый каменный беркут, величаво раскинувший крылья свои над ней и её страной. И люди зовут его Кош-тау (гора птица), зная без тени сомнения, что он, как и сама Агидель, неиссякаемый источник духа всей этой страны.

Каменная голова коня Ашака и его каменное сердце так же стоят, к югу и к северу от Кош-тау, на пути Агидели. И дополняют, гордым величием своим, бесконечную красоту этой страны...»

Закончив рассказ, женщина долго вглядывалась в лицо Алтузака. Затем продолжила:

– Слушай меня дальше, хан башняков. Мой имя для людей – Басаат и я – дочь Агидели. Моё место не здесь – оно внизу, у реки. Но некоторые события привели меня – так же, как и мой зов тебя – на эту вершину. Хранитель горы сейчас где-то на восточном склоне, – он предоставил это место в наше с тобой распоряжение, и у нас есть время, чтобы ты выслушал меня. Так слушай же:

– Началось всё два года назад в заоблачной, высшей сфере круговорота вечности. Хумай, дочь Солнца и небесного царя Самрау, упростила того отпустить её на землю. Её отец, Самрау, любит своих дочерей, и он отдал Хумай на двенадцать лет долину Агидели со всеми её притоками. И она спустилась на эту землю, и её волшебный свет пронизал эту страну, и для реки

это – высшее благодеяние. Два года уже здесь всё расцветает красотой и благодатью и ты, хан, конечно же, заметил это.

– Да. И я видел её во сне, золотую птицу.

– Это один из её обликов. Но, если бы ты увидел её в облике прекрасной девушки, то это было бы настоящей, сказочной удачей для тебя и ты, хан, до конца своих дней был бы одарён способностью видеть перед собой путь счастья. Но образ птицы и её пение – это тоже очень хороший знак, не каждому доступный.

– Разве не ты, Мать Басаат, явила мне тот сон?

– Нет, конечно. Я лишь привела тебя сюда, на вершину Кунгак-тау. Слушай дальше, хан:

– Хумай – существо мира, добра и счастья. Она не может быть там, где идёт война и льётся кровь. На юге, в Большой Степи, уже много лет полыхает война, и она вот-вот может хлынуть сюда, и тогда Хумай навсегда оставит эту землю. И вся краса, расцветшая её сиянием, будет уничтожена и выжжена войной. Тэнгри, наделяющий жизнью, слышит песнь дочери Солнца и Самрау, небесного владыки и, чтобы Хумай могла остаться здесь, даёт нам возможность уберечь эту страну от войны, являя знаки.

– Нам грозит война, Мать Басаат?

– Да. Разве этим летом ты не видел по ночам особенно много зарниц на юге? И ни разу тучам не удалось скрыть нас от кровавого сияния Аташ-Бахрама, звезды бога войны. В день солнцестояния стая журавлей пролетела с юга на север, крича пронзительно, словно они спасались от гибели. А полная луна в ту ночь была красной, как свежая кровь. Было ещё много знаков – это сам Тэнгри разговаривает с нами, мы лишь должны видеть всё. И это он, когда я стояла в потоке своей реки, сказал мне, что я должна подняться сюда, на эту вершину, и привести тебя. Здесь он скажет нам. А теперь, башняк, мы будем сидеть с тобой и ждать. И не говори ни слова – всё, слова больше не нужны...

Белес, привязав лошадей к деревьям, остался возле них и теперь сидел на траве, разглядывая всё вокруг. Он ни слова не слышал из разговора хана и той женщины, но знал, что всё это очень важно. Похоже, что они долго пробудут здесь.

Басаат, Хранительница Агидели и Алтузак, хан балабашняков, сидели, глядя на раскинувшиеся внизу бескрайние просторы. Прошло много времени: трудно сказать, сколько – солнца не было видно. Сперва было неудобно сидеть в одной позе, но постепенно Алтузаком овладели покой и странная отрешённость, и прилив сил, наполняющих его с каждым вдохом. Хмурое небо сливалось с равниной и с горами рваными клочьями, свисающими от облаков, и всё это создавало волшебный, совершенно неземной вид, заставивший Алтузака забыть о времени. Вот вдаль сверкнули, подряд друг за другом, три молнии, с каждой новой вспышкой всё ближе и ближе; и вслед – раскаты грома, оглушившие Алтузака. Дрожь охватила всё его тело. Застывшие глаза смотрели вдаль – не на равнины и не на рваные облака, а дальше – дальше всего, что может быть увидено. Всё вокруг закружилось в вихре, и затанцевало – в спокойном и всеохватывающем, рождённом единением земли и неба, древнем, изначальном ритме самой жизни...

Прошла целая вечность...

Вдруг синяя, пульсирующая точка проступила в смешении цветов и образов, и приковала внимание Алтузака.

А затем словно пелена спала с его глаз, и он отчётливо увидел, что точка эта – развеваящееся синее нечто, дрожащее на чём-то вроде шеста. Всё это проступало всё яснее, и вскоре Алтузак увидел чёткую картину: конский хвост! Он развеивается на древке семихвостого знамени кипчаков! Картина расширялась, дополняясь новыми деталями. Войско кипчаков несётся прямо сюда, к этой горе, и впереди знаменосец с семихвостым, развевающимся знаменем с синим хвостом на конце древка. Орда несётся лавиной, оцетинившейся сверкающими копьями и заполняет собой всё...

И вдруг они остановились, как будто наткнувшись на преграду. Прямо на их пути стоит одинокий всадник. И в руке его – пятихвостое знамя месегутов. Его конь вздымается на дыбы, всадник поднимает своё знамя высоко, насколько возможно, над головой. И войско кипчаков рассеивается, как дым. Постепенно исчезает и одинокий всадник, и лишь знамя месегутов – пятихвостое, красного цвета – остаётся перед глазами Алтузака. Оно поднимается выше и всё увеличивается в размерах.

И вдруг Алтузак понимает, что облака и солнечный свет создали причудливую картину в небе: – знамя красного цвета и с пятью хвостами. Вот они, облака, и вот равнины и горы. И красное, пятихвостое знамя, созданное облаками и игрой света заходящего солнца в них – вот оно, прямо в небе перед ним. Алтузак встряхнул голову, приходя в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.